

Характеристика архіереевъ Саратовской епархіи за шесть-десять пять лѣтъ.

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

Саратовъ, какъ извѣстно, будучи маленькимъ поселеніемъ, находился въ старыя времена по другую сторону Волги, выше Покровской слободы, на рѣкѣ Саратовкѣ, и, перенесенный впоследствии на то мѣсто, гдѣ онъ теперь, настолько разросся, что уже въ XVIII столѣтіи, при нашествіи Пугачева, былъ губернскимъ городомъ, хотя духовенство еще долго было подчинено архіереямъ сосѣднихъ губерній, почему не буду упоминать объ этихъ епископахъ, такъ какъ мы знали только послѣдняго пензенскаго—Моисея, пребывавшаго значительное время въ Саратовѣ, и затѣмъ бывшаго экзарха Грузіи.

При моей жизни, Саратовъ ранѣе кончался Ильинской улицей, и теперешняя Митрофановская площадь, получившая это названіе вслѣдствіе построеннаго на ней храма во имя Св. Митрофанія, была загородной, на которой на большомъ черномъ эшафотѣ наказывали преступниковъ плетями. Центромъ же города считалась лучшая по постройкамъ Московская улица и главной церковью былъ Старый соборъ, новый же, нынѣ существующій кафедральный соборъ, построенъ только въ началѣ XIX столѣтія, и крайній домъ этой Соборной площади принадлежалъ моей бабкѣ—Маріи Ѳедоровнѣ Дмитріевой, которая принимала горячее участіе при постройкѣ собора, и, не говоря о дорогомъ престольномъ одѣяніи, плочаницѣ съ драгоценными камнями, громаднхъ ризахъ и пр. пр., она выстроила отдѣльную колокольню съ большимъ колоколомъ, и масса серебра

въ немъ дала ему на рѣдкость чудный звукъ, подобный которому я слышалъ только въ Кіевѣ. А такъ какъ кромѣ собора она дѣлала большія пожертвованія въ церковь мужского монастыря, употребивъ на все это больше 200.000 рублей, то Синодъ назначилъ Марію Ѳедоровну Дмитріеву попечительницей кафедральнаго собора, причисливъ домъ ея къ нему приходомъ, тогда какъ кафедральные соборы преимущественно приходомъ не имѣютъ, а городъ называлъ улицу, гдѣ она жила, Дмитріевской. Послѣ же ея смерти улица эта называлась Дворянской, и наконецъ впоследствии, не знаю по чьей инициативѣ, ей дано глупѣйшее названіе Большой Кострижной.

Эта моя бабушка, вдовая и бездѣтная, не пожелавъ, чтобы мою единственную сестру отвозили въ Смольный монастырь, куда она была зачислена, взяла ее къ себѣ, оставивъ ей послѣ смерти этотъ домъ, въ которомъ мнѣ и пришлось очень часто видѣть посѣщавшихъ мою бабушку, а затѣмъ мою мать и сестру, мѣстныхъ архіереевъ, начиная съ преосвященнаго Іакова, о подвижничествѣ и прозорливости котораго я уже ранѣе говорилъ въ моихъ запискахъ „Провинціальныя типы 40-хъ годовъ“.

Преосвященный Іаковъ разсказалъ моей бабушкѣ, что въ молодости онъ былъ обрученъ, но невѣсту его убило громомъ, что и было причиной его монашества, а такъ какъ имя невѣсты было Варвара, то въ память этого бабушка сдѣлала въ нижней части собора придѣлъ Св. великомученицы Варвары, и въ день этого престольнаго праздника, какъ преосвященный Іаковъ, такъ и всѣ бывшіе затѣмъ до послѣдняго времени, саратовскіе архіереи, послѣ обѣдни со всѣмъ причтомъ посѣщали владѣлицъ этого дома, служа молебень, и дѣлали это также въ праздники Св. Пасхи и Рождества Христова.

Послѣ Іакова назначенъ былъ въ Саратовъ преосвященный Аѳанасій, бывшій ранѣе ректоромъ Петербургской академіи, чело-вѣкъ съ большимъ образованіемъ, хорошо знавшій даже иностранные языки. И скромная обитель Іакова, занимавшаго одноэтажный деревянный домикъ на Царицынской улицѣ, замѣнена была уже почти дворцомъ архіерейскаго дома на Соборной площади. Архіерейская служба сдѣлалась особенно торжественной при большомъ хорѣ пѣвчихъ въ щегольскихъ одѣянiяхъ съ золотыми галунами и кистями. Но, къ сожалѣнію, преосвященному Аѳанасію не доставало монашескаго смиренія и, за его беспокойный характеръ и частыя столкновенія съ мѣстной администраціей и губернаторомъ Кожевниковымъ, онъ былъ перемѣщенъ въ томъ же епископскомъ санѣ въ Астраханскую епархію, гдѣ впоследствии, уже бывъ на покоѣ архіепископомъ, страдалъ подъ конецъ жизни ужаснѣйшей болѣзнью, и, какъ мнѣ передавалъ нашъ преосвященный Тихонъ,

ѣздившій въ Астрахань навѣстити Аѳанасія, что онъ самъ видѣлъ, какъ у этого страдальца во время невыносимаго зуда тѣло чесали щетками, и на посланную простыню сыпалась изъ кожи масса мельчайшихъ паразитовъ, которые обыкновенно у людей водятся только въ головѣ, кисти же рукъ его, покрытыя ранами, были въ бинтахъ.

Слѣдующимъ послѣ Аѳанасія назначенъ былъ въ Саратовъ преосвященный Іоанникій I и послѣ него Евѳимій, и оба они оставили по себѣ хорошую память добрыхъ святителей, заботившихся о церкви и духовенствѣ, но, къ сожалѣнію, болѣзненному Евѳимію не суждено было жить долго, и онъ похороненъ въ нижней церкви кафедральнаго собора. Затѣмъ въ Саратовъ былъ назначенъ Іоанникій II, дѣятельность котораго слѣдуетъ считать вообще особо выдающейся, такъ какъ помимо его заботъ, какъ святителя, онъ былъ большимъ администраторомъ и хозяиномъ. При немъ умѣлымъ способомъ основанъ свѣчной заводъ и произведена масса построекъ, не только увеличившихъ скудное содержаніе архіерейскаго дома, но и обезпечившихъ существованіе открытаго женскаго епархіальнаго училища. И кромѣ того по его иниціативѣ образована была особая коммиссія по улучшенію быта духовенства Саратовской губерніи, въ работахъ которой и мнѣ пришлось участвовать по должности предводителя дворянства. Этотъ архипастырь, какъ извѣстно, былъ впоследствии экзархомъ Грузіи, затѣмъ митрополитомъ, сначала московскимъ, а потомъ кіевскимъ.

Далѣе мы видимъ въ Саратовѣ епископа Тихона, который, какъ замѣчательный проповѣдникъ, ранѣе былъ священникомъ одного изъ самыхъ аристократическихъ кварталовъ Петербурга, но, лишившись семьи, онъ принялъ монашескій санъ. Преосвященный Тихонъ, обладая всѣми необходимыми качествами архипастыря и администратора, былъ въ то же время свѣтскимъ человѣкомъ, котораго любили и общество, и власти.

Въ своихъ сужденіяхъ о религіи онъ говорилъ убѣдительно и просто, и осуждая, напримѣръ, невѣрующую молодежь, объяснялъ, что ежели они отрицаютъ будущую жизнь и вѣчныя муки, то пусть хотя подумаютъ, что ежели дѣйствительно все это такъ? тогда что ждетъ ихъ? Вѣра же даетъ лучшее успокоеніе человѣку.

Онъ во время своего пребыванія въ Саратовской губерніи неутомимо посѣщалъ не только уѣздные города, но и села, гдѣ были церкви, въ которыхъ онъ служилъ и проповѣдывалъ, поэтому его знали какъ крестьяне, такъ и помѣщики. Особенно онъ любилъ дѣтей, которыхъ, по окончаніи церковной службы въ селеніяхъ, онъ отечески ласкалъ и благословляя дарилъ имъ крестики и образочки.

Служа много лѣтъ предводителемъ дворянства съ конца 50-хъ годовъ, я, помимо отношеній бабки, матери и сестры къ соборному духовенству и архіереямъ, съ послѣдними былъ въ особо хорошихъ отношеніяхъ, а съ нѣкоторыми изъ нихъ—почти въ дружескихъ, доказательствомъ чего могутъ служить сохранившіяся письма ко мнѣ этихъ архипастырей; и преосвященный Тихонъ настолько былъ хорошъ со мной, что пріѣзжалъ ко мнѣ каждое лѣто въ деревню, отдыхая у меня по нѣсколько дней, а однажды даже прожилъ около двухъ недѣль, купался и пилъ минеральныя воды. Когда же онъ въ 1882 году былъ назначенъ архіепископомъ волынскимъ и житомирскимъ, то проводы его въ Саратовъ были необыкновенны: не говоря уже о духовенствѣ, все и вся съ губернаторомъ, предводителями и военнымъ начальствомъ собралось въ вокзалъ, а солдаты, съ разрѣшенія своего начальства, выстроились на всемъ протяженіи въ двѣ линіи отъ тюремнаго замка до вокзала и во время проѣзда его привѣтствовали громкими криками „ура!“. Преосвященному Тихону настолько было тяжело разставаться съ Саратовомъ, что, уступая его просьбамъ, я поѣхалъ его проводить до Воронежа, гдѣ познакомился съ архіепископомъ Серафимомъ, который, по желанію преосвященнаго Тихона, помѣстилъ насъ рядомъ въ комнатахъ, и, благодаря этой поѣздкѣ, я удостоился видѣть раскрытыя мощи Св. Митрофанія, и затѣмъ въ Задонскѣ—Св. Тихона, и по совѣсти могу сказать, что видѣлъ и поклонился нетлѣннымъ мощамъ этихъ чудотворцевъ.

Послѣ даннаго Серафимомъ въ честь преосвященнаго Тихона—оффиціального обѣда съ властями, намъ до Задонска пришлось ѣхать на лошадяхъ по шоссе, и въ скромномъ уголкѣ монастырской обители мы провели только сутки, гдѣ, помѣстившись въ покояхъ настоятеля монастыря архимандрита, изъ отставныхъ кавалерійскихъ полковниковъ, совершенно слѣпого на оба глаза, и онъ во время обѣда, предварительнаго принятія пищи, опускалъ каждый разъ палецъ въ кушанье и питье.

Затѣмъ доѣхавъ изъ Задонска до первой желѣзнодорожной станціи, мы простились съ преосвященнымъ Тихономъ. Онъ до самой своей кончины не переставалъ писать мнѣ съ Волыни, знакомя меня съ многими интересными эпизодами своей жизни. Когда же пришлось ему ѣхать въ Кіевъ на бывшій тамъ съѣздъ архіепископовъ, то онъ настоятельно просилъ меня туда пріѣхать, что я и исполнилъ, остановившись у него въ кельѣ Кіево-Печерской Лавры. Высокопреосвященный Тихонъ въ своихъ письмахъ обѣщалъ мнѣ сюрпризъ въ Кіевѣ, если я туда пріѣду; и дѣйствительно я нашелъ тамъ архимандрита настоятелемъ Лавры, моего однокашника по

корпусу. Это былъ сынъ помощника инспектора классовъ Павловскаго кадетскаго корпуса—Виктора Андреевича Половцева.

На этомъ сѣздѣ, подъ предсѣдательствомъ кіевскаго митрополита Платона, присутствовали наши архіепископы разныхъ мѣстностей и бывший тогда оберъ-прокуроръ Побѣдоносцевъ. Во время же одной литургии мнѣ пришлось видѣть въ числѣ нашихъ архипастырей знаменитаго сербскаго митрополита Михаила, который въ это время жилъ въ Кіевѣ. Въ этотъ разъ происходило посвященіе одного профессора Кіевской духовной академіи въ архимандриты и затѣмъ тутъ-же хиротонія его въ епископы. Церемонію эту намъ, свѣтскимъ людямъ, рѣдко приходится видѣть и она очень интересна во многихъ отношеніяхъ.

Въ бесѣдахъ съ митрополитомъ Платономъ я находилъ много интереснаго, и между прочимъ онъ мнѣ разсказалъ о своемъ переводѣ за руссофильство изъ Прибалтійскаго края на Донъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ онъ имѣлъ большое содержаніе, пользуясь которымъ, помогъ родной своей племянницѣ-сиротѣ получить хорошее музыкальное образованіе, и, когда на Дону ему пришлось жить на довольно скудное архіерейское жалованье, то племянница эта Л., сдѣлавшись уже знаменитостью, помогала ему въ свою очередь.

По окончаніи Кіевскаго сѣзда, высокопреосвященный Тихонъ уговаривалъ меня ѣхать съ нимъ въ Почаевскую лавру, гдѣ онъ проводилъ лѣто, но я никакъ не могъ по моимъ служебнымъ обязанностямъ, и затѣмъ это было мое послѣднее съ нимъ свиданіе, такъ какъ владыко черезъ нѣсколько лѣтъ скончался отъ раны въ ногѣ, отказавшись ее ампутировать.

Послѣ преосвященнаго Тихона въ Саратовѣ были епископами Павель, Авраамій, Николай, Іоаннъ и Гермогенъ, — и всѣ они высокочтимые іерархи.

Епископъ Авраамій, какъ и другіе, посѣщалъ меня въ деревнѣ. Онъ много видѣлъ, много зналъ, и разговоръ съ нимъ былъ крайне интересенъ. Ранѣе онъ состоялъ епископомъ въ Сибири, гдѣ не только зналъ Ѳедора Кузьмича, но даже и исповѣдывалъ его. По наружному виду онъ казался здоровымъ, и никакъ нельзя было предположить, что это будетъ не надолго, такъ какъ вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ городъ, я засталъ его уже больнымъ, и онъ умеръ почти на ногахъ. За два дня до его смерти я былъ у него, и, отъѣзжая въ деревню, простился и принялъ его благословеніе, прося обо мнѣ помолиться, но онъ, въ свою очередь, просилъ помолиться о немъ, говоря, что онъ хотя много моложе меня, но чувствуетъ, что жить ему остается не долго; и дѣйствительно, едва я пріѣхалъ въ деревню, какъ мнѣ дали знать о кончинѣ преосвя-

щеннаго Авраамія, который и похороненъ у насъ въ нижней церкви каедральнаго собора.

Епископъ Николай былъ потомъ назначенъ архіепископомъ финляндскимъ, епископъ Іоаннъ переведенъ членомъ синодальной конторы въ Москвѣ, а преосвященный Павелъ былъ потомъ епископомъ въ Пензѣ и Астрахани, и затѣмъ жилъ на покой при Балашовскомъ монастырѣ Саратовской губерніи. Я останавлиюсь на немъ, такъ какъ нѣсколько случаевъ въ Саратовѣ указали на его прозорливость, онъ, какъ Іаковъ, былъ въ полномъ смыслѣ слова монахъ-аскетъ, и только послѣ его перевода въ Пензу, сдѣлалось извѣстно отъ его служки, которому онъ строго запретилъ говорить, что онъ носилъ вериги. Служкѣ же его открылось это обстоятельство, когда преосвященный Павелъ угорѣлъ въ банѣ и находился долго безъ чувствъ, почему пришлось выломать дверь и въ бѣльѣ владыки оказались вериги. Прозорливость же его обнаруживалась часто, и о двухъ крупныхъ случаяхъ я расскажу, а именно: передъ открытіемъ въ Саратовѣ Крестьянскаго банка, было изъ Петербурга сдѣлано распоряженіе, чтобы до устройства назначеннаго для него дома, его временно открыли при Саратовскомъ отдѣленіи Государственнаго банка, почему бывшіе въ то время саратовскій губернаторъ Зубовъ и управляющій отдѣленіемъ Государственнаго банка — дѣйствительный статскій совѣтникъ Шарбау просили преосвященнаго Павла отслужить молебенъ и освятить это временное помѣщеніе, но владыко, закрывъ глаза рукой, задумался и затѣмъ наотрѣзъ отказался, сказавъ: „подождите, а то и самъ не поѣду и попа не пришлю“. Губернаторъ и управляющій должны были донести о томъ, такъ какъ безъ освященія открыть было нельзя, но, не желая, чтобы донесеніе было похоже на жалобу, составляли цѣлую недѣлю бумагу, и когда она уже была готова для отправления, то къ общему удивленію послѣдовала изъ Петербурга телеграмма о приостановкѣ открытія этого банка впродъ до особаго распоряженія. Нѣмецъ Шарбау долго не могъ успокоиться, допытываясь, отъ кого изъ петербургскихъ властей преосвященный могъ узнать о приостановкѣ открытія банка.

Второй случай слѣдующій: въ Саратовѣ жилъ извѣстный старикъ купецъ Славинъ, который много разъ просилъ преосвященнаго благословить его домъ, и наконецъ владыко въ рождественскій постъ сказалъ, что пріѣдетъ къ нему ѣсть блины. Вдовая дочь Славина устроила все, что было возможно для его приема. Уѣзжая изъ дома, владыко благословилъ всѣхъ, и, положивъ свои руки на головы маленькихъ внучатъ Славина, глубоко вздыхая, грустно говорилъ: „Боже мой, Боже мой. Какъ тяжело вырастить и затѣмъ

терять такихъ дѣтей“. А на вопросъ Славина, когда онъ еще осчастливитъ ихъ своимъ посѣщеніемъ, отвѣтилъ, что пріѣдетъ скоро опять на блины. И къ общей неожиданности дѣти эти черезъ нѣсколько дней заболѣли дифтеритомъ и умерли.

Съ преосвященнымъ Павломъ я особенно часто видѣлся,—послѣ того, какъ онъ прогостилъ у меня нѣсколько дней въ деревнѣ, и, проведя это время глазъ на глазъ, рассказалъ мнѣ всю свою жизнь съ дѣтства, и изъ всего мною слышаннаго можно заключить, что рѣдкое смиреніе присуще было ему съ малыхъ лѣтъ.

Передъ отъѣздомъ ко мнѣ въ деревню, преосвященный Павелъ предположилъ побывать въ слободѣ Рыбушкѣ, находившейся отъ моего имѣнія въ двѣнадцать верстахъ, гдѣ онъ рѣшилъ отслужить обѣдню, для чего и распорядился къ воскресному дню отправить туда своихъ пѣвчихъ, ключаря, протодіакона и проч. И вотъ совершенно неожиданно въ Рыбушкѣ во всю большую площадь возлѣ церкви его встрѣтили сотни дѣтей въ разноцвѣтномъ хохлацкомъ одѣянніи, выстроившихся въ двѣ линіи, а остальная часть площади была запружена религіознымъ хохлацкимъ населеніемъ, такъ что владыко долженъ былъ выйти изъ кареты и пройти до церкви пѣшкомъ среди выстроившихся дѣтей, которыя посыпали ему путь цвѣтами, что глубоко тронуло владыку. Но это его свѣтлое настроеніе было омрачено двумя эпизодами, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ пришлось быть. Первый изъ нихъ произошелъ въ алтарѣ, гдѣ я находился во время обѣдни, и видѣлъ, что владыко много разъ дѣлалъ ключарю знаки головой, замѣтивъ, что у него распахнулась ряса и видно было бѣлье на ногахъ, а затѣмъ, когда владыко, по окончаніи обѣдни, уѣзжая, началъ благословлять народъ и хотѣлъ раздать дѣтямъ образочки, то таковыя, какъ оказалось, ключарь забылъ въ Саратовѣ. Это настолько разстроило владыку, что когда мы сѣли въ карету, уѣзжая ко мнѣ въ имѣніе, онъ погрозился помогавшему ему сѣсть ключарю, и тихо сказалъ: „отростилъ ты себѣ животъ, и ничего не видишь и не помнишь“. Ключарь этотъ дѣйствительно былъ высокаго роста и необыкновенно тучный, любившій, какъ извѣстно, хорошо пожить. Дорогой же владыко вздыхалъ, на глазахъ у него были слезы, и онъ говорилъ: „Господи, Господи, зачѣмъ я такъ обидѣлъ этого человѣка“. Почему, желая успокоить преосвященнаго, я безъ его вѣдома, изъ деревни послалъ въ Рыбушку за ключаремъ, и когда онъ явился, владыко былъ несказанно радъ, благословлялъ и цѣловалъ его.

Какъ я упоминалъ ранѣе, мнѣ пришлось быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ архіереями вообще, а съ нѣкоторыми въ особен-ности, такъ что въ письмахъ своихъ они даже называли меня за-

вѣтнымъ другомъ, и преосвященный Павелъ, будучи на покоѣ, писалъ, что онъ мечтаетъ хотя еще одинъ разъ обнять меня, своего единственнаго въ жизни друга. Это я и успѣшилъ исполнить, посѣтивъ владыку въ Балашовѣ, гдѣ въ разстояніи версты отъ монастыря находился его домикъ, окруженный паркомъ. Владыко не сказано было обрадованъ моимъ прїѣздомъ, и, выслушавъ мой рассказъ о пожалованіи мнѣ Государемъ Императоромъ большого портрета съ собственноручной надписью, въ которой онъ благодарилъ меня за долголѣтнюю доблестную службу, и затѣмъ о милостивомъ прїемѣ Государемъ и Государынями, владыко подошелъ къ стоявшему передъ иконами у него въ гостиной аналою и усердно помолился за Царя и Царицъ.

Послѣ этого мнѣ пришлось преосвященнаго Павла еще одинъ разъ посѣтить, но я нашелъ его уже очень слабымъ, и два года назадъ онъ, отслуживъ обѣдню, сѣлъ отдохнуть въ кресло и заснулъ навѣки.

Живя на покоѣ, онъ не мало писалъ въ журналъ „Вѣра и Церковь“; и особенно интересна статья его „Нѣсколько словъ о судьбѣ церкви Божьей на землѣ“.

В. А. Шомпулевъ.

